

УДК 347

Попкова Ирина Александровна,
*Студент магистратуры Юридического института
Сибирского федерального университета
Российская Федерация, Красноярск*

Пономарева Валерия Владимировна,
*Доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории
государства и права, Сибирского федерального университета
Российская Федерация, Красноярск*

**К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМЕ МЕСТА ИМПЕРАТИВНЫХ НОРМ В
ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ, НА ОСНОВЕ СРАВНЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО
РОССИЙСКОГО И АНТИЧНОГО ПРАВА**

Аннотация: Автор производит сравнение императивных норм действующего российского права и права периода античности, в частности, римского права, с целью выявления закономерностей развития места императивных норм и императивного метода правового регулирования в гражданском (частном) праве.

Ключевые слова: императивные нормы, императивный метод правового регулирования, диспозитивность, диспозитивный метод правового регулирования, действующее право, гражданское право, римское право, Дигесты Юстиниана.

Popkova Irina A., *Master's degree student of Law Institute,
Siberian federal University,
Russian Federation, Krasnoyarsk*

Ponomareva Valeriya V., *Doctor of law,
Professor of the Department of theory and history of state and law,
Siberian Federal University
Russian Federation, Krasnoyarsk*

TO THE QUESTION ABOUT THE PROBLEM OF THE PLACE OF PEREMPTORY NORMS IN CIVIL LAW, BASED ON THE COMPARISON OF MODERN AND ANCIENT RUSSIAN LAW

Annotation: The author compares the imperative norms of the current Russian law and the law of the period of antiquity, in particular, Roman law, in order to identify patterns of development of the place of imperative norms and the imperative method of legal regulation in civil (private) law.

Key words: imperative norms, imperative method of legal regulation, dispositiveness, dispositive method of legal regulation, Civil law, Roman law, Justinian Digest.

Современное российское гражданское право немыслимо без ряда существенных его принципов, закрепленных ныне в ст. 1 Гражданского Кодекса РФ - равенства участников регулируемых им отношений, неприкосновенности собственности, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты. В своей совокупности эти принципы обеспечивают для гражданского права как отрасли права господство принципа диспозитивности в гражданском праве, который воплощается, как возможность инициативного отступления от конструкций, предлагаемых законодателем в нормах права [3, с. 149], при этом такая возможность должна находить свое начало в как можно более широком спектре отношений, регулируемых гражданским правом [10, с. 85].

Однако все вышесказанное не отменяет наличие ряда случаев закрепления норм императивного характера – конструкций, от которых участники гражданского оборота отступить не могут. В сфере частного права никогда не было ситуации, чтобы его нормы существовали в чистом виде, без определенных публично-правовых ограничений [11, с. 57]. Как отмечал известный дореволюционный юрист И. А. Покровский, «не подлежит никакому сомнению, что государство может и даже обязано ограничивать, т.е. вводить в известные

рамки, индивидуальную свободу и в этом смысле приносить индивидуальные интересы в жертву общественным» [6, с. 79].

Противостояние публичного и частного, императивного и диспозитивного в гражданском праве – проблема, которая возникла не сегодня и не вчера. Попытки государства вмешиваться в отношения людей, связанные с преследованием их личных интересов, происходили еще тысячи лет назад. Так, к одним из первых случаев вмешательства государства в сферу частных отношений относится Свод законов царя Хаммурапи, правящего Вавилоном в 1793—1750 гг. до н. э. Законы, пусть в весьма казуистичной форме, без всякой систематики и разграничения норм права по отраслям, все же касались различных имущественных отношений, в основном предъявляя достаточно четкие, строгие требования, отклонение от которых было недопустимо [8, с. 73]. Например, регулируя договор займа, законы устанавливали строгие требования относительно процентов, которые мог устанавливать ростовщик. В ситуации, когда человек вынужденно отдавал долг не серебром, а зерном, законами был установлен строгий процент – 100 ка на 1 гур одним зерном – и его превышение со стороны займодавца на определенную сумму наказывалось отказом займодавцу в возврате долга [4, с. 9]. Другой нормой данных законов указывалось, что в случае, когда человек дает человеку деньги для организации товарищества, все прибыли и убытки они делят поровну [4, с. 9].

Вмешательство государства в частные отношения знали и греческие города-государства. Одним из самых ярких примером введения императивной нормы в регулировании частных отношений стала норма, запрещающая залог личности должника при договоре займа в Древних Афинах, и, таким образом, запрещающая в случае неуплаты долга продавать его в рабство с целью выплаты суммы долга займодавцу [5, с. 149].

Сама идея особенного положения норм права, регулирующих отношения в сфере личных (частных) интересов людей принадлежит римскому государству. Римляне в целом стали авторами идеи, согласно которой право должно было быть разделено по критерию интереса. Так, римский юрист Ульпиан указал, что «публичное право есть то, которое относится к положению римского государства;

частное – которое относится к пользе отдельных лиц» [2, с. 23]. Римское право, безусловно, выделяло два типа права не просто так. Это выделение противопоставляло две данных отрасли римского права по принципу правового регулирования. Так, публичное право не могло быть изменено соглашениями частных лиц, к нему относились, в качестве предмета регулирования святыни, жрецы, магистраты, иначе говоря: строй государственных органов, компетенция учреждений и должностных лиц, акты, выражающие властвование государства [2, с. 23]. К частному праву же относились семейные отношения, собственность, наследование, обязательства и т. п. [2, с. 23]. Частное право определяло себя как область, где вмешательство государства должно быть ограничено, а лица, подвергающиеся его регулированию, должны иметь автономию воли, что воплощалось формулировкой «*ita ius esto*» – это соглашение пусть будет как бы законом» [9, с. 2].

Диспозитивность римского частного права, однако, весьма противоречива, и по сравнению с современным пониманием данного термина толковалась римлянами гораздо уже. Так, в римском праве, формально, была невозможна защита договоров, которые не были предусмотрены правом гражданским или правом народов – так называемых «голых договоров» [2, с. 61-62] – таких договоров, которые не приняли законную римскую форму (не сопровождалась передачей вещи, не относились ни к одному из предусмотренному правом виду консенсуальных договоров, не сопровождалась произнесением определенных слов). Отдельно предусматривалось также, что «договоры против правил гражданского права не имеют силы» [2, с. 64]. Римский юрист Геренний Модестин отмечал, что существует четыре категории законов – императивные-повелевающие (*imperare*), запрещающие (*vetare*), дозволяющие (*permittere*) и карающие (*punire*) [2, с. 32]. Однако это мнение было не единственным, еще до Модестина Марк Цицерон отмечал, что существуют только повелительный и запретительный закон [12, с. 112]. Таким образом, римские юристы отмечали, что в римском частном праве присутствуют императивные нормы.

Приведем несколько примеров действия таких норм в римском праве. Так, Цельсом отмечалось, что недействительным являлось соглашение о том, чтобы не нести ответственность за злой умысел [2, с. 282]. Императивные нормы имели существенное значение в отношениях опеки и попечительства, так, например, римским правом запрещалось назначение в опекуны глухих, немых, безумных и женщин (по поводу последних исключение могло быть предоставлено императором) [2, с. 409-411].

Современное российское право осуществило много шагов вперед в развитии диспозитивности гражданского (частного) права. В праве напрямую были воплощены идеи о свободе договора и беспрепятственном осуществлении гражданских прав. В отличие от римского права, современное гражданское право, исходя из ч. 2 и 3 ст. 421 ГК РФ, позволяет лицу регулировать свои отношения не только в рамках уже существующей системы договоров, но и заключать договоры, не поименованные в законодательстве или договоры, смешивающие в себе черты отдельных договоров. Широта понимания свободы договора нашла свое воплощение в толковании данного принципа, воплощенного в Постановлении Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 г. № 16 «О свободе договора и её пределах», где суд отметил, что запреты, содержащиеся в императивной норме, следует толковать как можно более ограничительно. Суд также отметил, что нормы, не содержащие отсылки к договору в ГК РФ – также являются диспозитивными. Их можно рассматривать, как императивные, только если из их содержания видна цель законодателя в установлении императивного регулирования: 1) для защиты особо значимых охраняемых законом интересов (интересов слабой стороны договора, третьих лиц, публичных интересов и т. д.), 2) недопущения грубого нарушения баланса интересов сторон. Императивность нормы также может вытекать из существа законодательного регулирования определенного вида договора [7].

Трудно отрицать, что существует значительное число ситуаций, где законодатель обязан установить императивное регулирование. За всю историю существования частных отношений лиц государство активно вмешивается и

устанавливает строгие, не разрешающие отклонения, правила, примеры которых были приведены нами. Однако с того момента, как частное право было отделено от публичного, в основе его идеи была положена необходимость ограничения вмешательства государства в частные дела и как можно большего расширения автономии воли. Поэтому, на наш взгляд, историческое развитие показывает, что императивные нормы права постепенно сокращают свое место в гражданско-правовом регулировании и остаются лишь в тех отношениях, им охватываемых, где без них обойтись совершенно невозможно.

Библиографический список

1. Гражданский Кодекс РФ от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. ст. 3301.
2. Дигесты Юстиниана: избранные фрагменты в переводе и с примечаниями И. С. Перетерского / отв. ред. Е. А. Скрипилев. М.: Наука, 1984. 456 с.
3. Зайцев О. В. Расширение пределов применения принципа диспозитивности в сфере гражданско-правового регулирования в контексте реформирования гражданского законодательства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 1. С. 147-153.
4. История государства и права зарубежных стран : хрестоматия : в 2 ч. Ч. 1. Древний мир. / под общ. ред. Е. А. Апольского, А. А. Егорова. Ростов-на-Дону: ВГУЮ (РПА Минюста России), Ростовский институт (филиал), 2017. 255 с.
5. История государства и права зарубежных стран: Учебник для вузов: В 2 ч. Ч. 1 / Под общ. ред. О. А. Жидкова и Н. А. Крашенинниковой. М.: Норма, 2004. 624 с.
6. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. 353 с.
7. Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» // Вестник ВАС РФ. 2014. № 5.

8. Прудников, М. Н. История государства и права зарубежных стран: учебник для бакалавров М.: Юрайт, 2013. 811 с.
9. Римское частное право: Учебник / Под ред. проф. И.Б. Новицкого и проф. И.С. Перетерского. М.: Юриспруденция, 2000. 448 с.
10. Родионова О. М. Механизм гражданско-правового регулирования в контексте современного частного права. М.: Статут, 2013. 336 с.
11. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2011. 958 с.
12. Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах / отв. ред С. Л. Утченко. М.: Издательство Наука, 1966. 223 с.